

"Я знаю, что я настоящий. Во всяком случае, относительно уверен. Я сражаюсь с Пейном, или с одним из Пейнов, или, вообще-то, с двумя. Все идет ужасно, в итоге меня вроде как убивают гвоздем, что очень жалко, наверняка Обито смеется над этим, а потом я использую Камуи, чтобы спасти мальчика Акимичи. У меня кончилась чакра, я знаю, что умру". Другой открыл глаза, и его темные глаза пронзили глаза Какаши.

"Ты, двадцатилетний Гончий Хатаке Какаши из АНБУ, был пойман в ловушку отвратительного самореализующегося гендзюцу, будучи эмоционально скомпрометированным и слегка истощенным чакрой". Какаши напрягся.

"Я. Тридцатилетний, умирающий, мертвый, на пути к смерти. Ты. Двадцать лет, разум крайне уязвим".

"Это бессмыслица", - запротестовал Какаши, пытаясь понять пугающую логику Другого. "Что за гендзюцу создало меня, который даже не похож на меня, а потом заставило его говорить о... Я даже не знаю, о чем он говорит. Это что, должно свести меня с ума?"

Хатаке Какаши посмотрел на Хатаке Какаши. "А что, если я скажу тебе, что я развил Мангекью настолько, что могу использовать его для перемещения предметов через пространство, время и другие измерения. И что это было последнее, что я сделал перед смертью".

Какаши инстинктивно потрогал левый глаз, но ничего, кроме зазубренного шрама, не обнаружил. "В этом нет никакого смысла", - повторил он, его голос был очень, очень тихим.

"Как в научно-фантастической манге, которую Кушина-сан спрятала под кроватью", - согласился Другой. "Ведь если бы мы не знали ничего лучшего, то теоретически могли бы говорить о путешествии во времени".

"Черт", - кисло сказал Какаши.

"Допустим, я тебе верю, - сказал Какаши с запинкой. "И что это не какой-то безумный плод моего воображения".

"Что ж, это вполне возможно. Может быть, мы - плод воображения друг друга", - проворчал Другой.

"Ты слишком много говоришь", - огрызнулся Какаши.

"А ты говоришь мало", - возразил Другой.

Какаши закрыл глаза, досчитал до десяти и постарался не думать о том, что ему придется отдуваться за своего старшего, раздражающего будущего, который тоже может быть

галлюцинацией. "Просто... заткнись. Дай мне подумать".

К счастью, Другой молчал. "Каково это... быть. Тридцать", - сказал Какаши, с трудом подбирая слова. "После... после АНБУ... после сейчас".

"Я ушел из АНБУ в двадцать лет", - сказал Другой.

"Сейчас?" Какаши дернулся, крепко вцепившись в подлокотник.

"Вроде того. Тогда и Какеру был замешан". Другой пожал плечами. "Гендзюцу было отвратительным, я был вымотан миссией и запустил их, потому что..."

"Потому что Обито умер в том месяце", - негромко продолжил Какаши.

"Да", - приглушенно ответил Другой. "Ты же знаешь, как это бывает". Он ухмыльнулся, края ухмылки были горькими и острыми. "Из-за него чуть не погибла команда, а наш маленький кохай Тензоу получил шрам на всю жизнь. Я пролежал в больнице несколько недель, а когда закончились психологические экзамены, меня спросили, не хочу ли я пройти еще один такой экзамен. Я не захотел. Поэтому я уволился".

"Ушел из АНБУ", - повторил Какаши, осторожно подталкивая его к этой мысли.

"Я знаю", - хмыкнул Другой, горестно потирая лицо. "Это было тяжело и ужасно, и какое-то время я чуть было не завербовался снова".

"Но?" осведомился Какаши.

Другой страдальчески подписал. "Потом Гай решил, что я его крутой соперник, и после этого..." Другой пожал плечами.

"Гай, - подумал Какаши. Не мог же тот странный чуунин, одержимый тайдзюцу, много плакать? Или плакал слезами мужской радости, неважно.

"Да, это он", - сказал Другой.

Какаши посмотрел на него.

"Да, но не суди меня", - сказал Другой, скрестив руки на груди. "Я не говорил, что это был величайший опыт в моей жизни".

"И это все?" предположил Какаши. "Ты подружился с Гаем, а потом умер?" Похоже, это была

короткая и неполная жизнь.

"Нет", - медленно произнес Другой. "У меня была стая".

"Стая мертва", - сказал Какаши, и кресло скрипнуло, когда он ухватился за него. "Они мертвы", - сказал он.

"Новая стая", - мягко сказал Другой. "Вроде того. У меня есть команда генинов, вы знаете, и они... они изменили мою жизнь".

"Но они мертвы", - в отчаянии повторил Какаши. Он наклонился вперед и посмотрел на Хатаке Какаши, на себя. "Рин, Обито, сенсей и отец... они..."

"Стая растет и меняется", - сказал Другой и наклонился вперед, так близко, что они оказались нос к носу, дыхание смешалось. "И я их подвел".

Какаши хныкнул. "Только не это", - хрипло прошептал он.

"Опять", - сказал Другой, и когда он моргнул, его глаза стали яркими и водянистыми, и Другой заплакал. "Мертв, предатель, проигнорирован. Выбросил их как мусор. Не смог научить их правильно, не научил, подвел свою стаю".

Какаши не мог представить, как жить с чем-то большим, чем глаз Обито, смерть Рин и презренное наследие сенсея. Больше, подумал он. Больше стаи, больше неудач. Еще десять лет.

"И теперь ты мертв".

"И теперь я мертв", - с горечью сказал Другой и отвернулся, уходя в себя. Напускная жизнерадостность исчезла, и Какаши увидел перед собой самого себя, сломанного, разбитого и такого уставшего.

"Каково это было - иметь стаю?" неуверенно спросил Какаши.

"Я учил Узумаки Наруто, знаешь ли. Сын сенсея и Кушины-сан", - сказал Хатаке Какаши. "Харуно Сакура, гражданская девушка. Учиха Сасуке, племянник Обито".

Моя стая, - задумался Какаши. "О."

"Они были моими, ты знаешь", - сказал Хатаке Какаши. "Мои", - и, обнажив зубы, уставился прямо на двадцатилетнего Какаши, для которого не существовало ничего, кроме следующей

миссии и призраков, бродящих вокруг Мемориального камня. На Какаши без рюкзака. И Какаши, двадцатилетнего запуганного Какаши, осенила безумная, безрассудная идея.

"Твоя стая и моя стая", - сказал Какаши. "Наша стая".

"Похоже на то", - недоверчиво произнес Хатаке Какаши, ослабившись. "Но они также... они также мертвы. Наша стая мертва. И будет мертва".

"Но сейчас-то их нет", - сказал Какаши. "Они все еще живы".

"Ну, да, здесь, с тобой, но..."

Какаши сделал выпад вперед и решил рискнуть. Он схватил его за запястье. "Ты доверяешь мне?" - спросил он.

"Доверяю ли я себе?" Хатаке вскинул бровь. "Как ни странно, доверяю".

"Пообещай, что позаботишься о них", - сказал Какаши и провел большим пальцем по пульсу собеседника, сердцебиение участилось. "Позаботься о стае".

"Я не понимаю..."

"Обещай мне", - яростно сказал Какаши, сильно надавливая большим пальцем. "Обещай, что позаботишься о них. Что не подведешь их. Не в этот раз".

"И-" Хатаке сглотнул. "Я обещаю".

"Хорошо", - Какаши расслабился и отстранился, ослабив хватку. "Ты обещал". Глубоко вздохнув, он создал танто, и внезапный блеск отцовского клинка в его руках, целого и не сломанного, подтвердил его выбор.

На лице Хатаке появилось понимание. "Нет..."

"Это мой выбор", - сказал Какаши. "И ты обещал. Не нарушай его".

"Но отец, он, зачем ты вообще это делаешь? Здесь нет ни чести, ни чего-либо еще. Я не понимаю", - поинтересовался Хатаке, побледнев лицом.

"Потому что Пак", - просто ответил Какаши. "Позаботься о них для меня и Тензоу тоже". И всех остальных, кто станет Стаей.

"Но..."

"Позаботься о них", - сказал Какаши.

"Я позабочусь. Конечно, позабочусь, но..."

Танто скользнул в живот, и по какой-то странной причине это не было больно. Не было никакой боли - только тепло, наполнившее его, и он крепко сжал рукоятку, скользкую, как будто она была в его крови, и двинул ею влево-вправо. "Позаботься о них", - задыхался он. "Или иначе".

Прохладная рука коснулась его щеки, и на него уставились его собственные темные глаза.
"Спасибо."

"Не надо. Не надо". Какаши слабо усмехнулся. "В конце концов, это я эгоист. Второй. Шанс".

Хатаке Какаши отстранился. "Я буду жить для тебя очень долго", - пообещал он.

"Только не облажайся", - пробормотал он и закрыл глаза.

<http://tl.rulate.ru/book/101266/3491932>